

Литературные традиции

«Мы юность эпохи несём на плечах...»

Жизнь ММК, судьбы людей труда запечатлены в строках классиков магнитогорской поэзии

День металлурга – прекрасный повод обратиться к стихам, в которых чувствуется жар доменных печей, азарт трудовых соревнований, дыхание степных ветров – и притяжение Магнитогорска, которому невозможно противостоять. Славная история металлургического комбината и других предприятий легендарной Магнитки включает в себя не только строительство цехов, пуск в эксплуатацию промышленных агрегатов, внедрение новых технологий и производственные рекорды, но и формирование характера со стальным стержнем. Особый менталитет жителей нашего города запечатлён в творчестве поэтов разных поколений.

Тема эта неисчерпаема – со времён первостроителей поэты пишут признания в любви к Магнитке. В сегодняшнем выпуске литгостиной «ММ» – стихи трёх классиков магнитогорской литературы, оставивших

заметный след в культуре нашего города. Борис Ручьёв, Римма Дышаленкова, Александр Павлов были признанными авторитетами в поэзии, наставниками молодёжи и видными общественными деятелями. Их именами названы магнитогорские улицы и библиотеки, их строки звучат на камерных встречах и на многотысячных городских праздниках.

Давайте в канун Дня металлурга перечитаем их стихи, в которых отразились свершения, вписанные в летопись ММК, города и страны, судьбы наших отцов, дедов, прадедов и личные биографии авторов.

Борис Ручьёв (2 [15].06.1913 – 24.10.1973) приехал на Магнитострой в октябре 1930. Прежде чем реализоваться на литературном поприще, работал плотником и бетонщиком, одновременно оттачивал перо в литобъединении «Буксир». Поэтический триптих «Слово второй годов-

щины» (12+) написан в 1932, стихотворение «Вечный пламень» (12+) – в 1967. Между этими датами – множество жизненных испытаний, включая колымскую ссылку, однако Борис Александрович сохранил в сердце Магнитку, ставшую домом.

Римма Дышаленкова (11.01.1942 – 9.07.2016) родилась в Дуванском районе Башкирии, в семье было семь дочерей. Родители погибли во время Великой Отечественной войны. В 1962 году, окончив горно-керамический техникум по специальности «технолог силикатов», Римма Андрияновна переехала в Магнитогорск. Была сортировщицей кирпича на ММК, арматурщицей в тресте «Магнитогорскстройпуть», трудилась на цементном заводе. «Вся моя литературная практика проходила в свободное от работы время», – вспоминала она. «Вступление» (12+) – автобиографическое стихотворение.

Александр Павлов (11.01.1950–22.10.2011) родился в Магнитогорске. В детстве вместе с родителями и братом жил в бараке. В 1965 году поступил в Магнитогорский индустриальный техникум на прокатчика; по окончании учёбы работал вальцовщиком в первом листопрокатном цехе ММК – стихотворение «Листопрокат» (12+) он написал о себе. Александр Борисович стал одним из самых ярких и талантливых летописцев Магнитогорска и ММК.

Творческое наследие этих трёх замечательных поэтов не ограничивается производственной поэзией – мы помним проникновенную любовную лирику, образные пейзажные зарисовки, глубокие философские размышления... Книги Бориса Ручьёва, Риммы Дышаленковой и Александра Павлова есть в городских библиотеках. А ещё их стихи размещены в Интернете – благодаря этому лучших магнитогорских поэтов знают далеко за пределами нашего города.

✍ Елена Пещинская

Стихи					
✍ Борис Ручьёв	3				
Слово второй годовщины	1				
Эпоха грохочет Развёрнутым строем Гудками заводов, Лесами построек. Пожарами плавок встанут вечера, Конвейером грохают полдни, И песни, которые пелись вчера, Другими побиты сегодня. Мы юность эпохи несём на плечах И так вырастаем в рабочем просторе, Что просится каждый обыденный час		Сегодня Газетой, окрепшей в борьбе, Пусть строки пройдут Юбилейным парадом, Живою историей Наших побед, Побед комсомольских отрядов, Чтоб завтра Дорогою третьего года Ударнее биться В ударное время За комсомольскую Мощность завода.	Ещё по девичьей привычке стыдилась общей душевой, охальной женской переклички над заморённой головой. Когда же песню запевали, я начинала подпевать и, ничего не понимая, вдруг начинала понимать, что тяжкий труд берут бригадой, что нет и песни без труда, что слово Мы звучит наградой сегодня, завтра и всегда. А над заводом ходит кругом, не улетая, стая птиц, и я давно сжимаю туго комочки ржавых рукавиц.	На волне – обломки от любви, красоты, терпения да истины... Заводские женщины мои, помогите мне доплыть до пристани.	Листопрокат Подслушал я сегодня, как может славно петь, дрожжа в стальных водовьях, напрягаясь клеть.
На красную доску истории.	2	Вечный пламень Индустрия – вечный мой город, я сам – твой строитель и брат, твоим деревенским Егором был словно б столетие назад.	Крановщицы Отчего люблю я эстакады, кранов разведённые мосты, сварки ослепительной разряды – гроздами с небесной высоты?	Уральские дали – просторы, и воздух слоист, как слюда, заводы, заводы – как горы, у гор огневых – города.	Размеренно и чётко стучат маховики, дерут стальные глотки весёлые гудки.
Рассвет идёт С нагорных горизонтов, Высокогрудных, каменных, крутых,		Я сам, будто в давнее время, намучившись, как ученик, премудрость металлоторенья твоим подмастерьем постиг.	А названья? «Грейферы» и «пратцы», как жаргон бывалых моряков, девочки с походочкой моряцкой в званье заводских крановщиков.	И звоны литого металла в ограде любого двора. На кражистых склонах Урала веками живут мастера.	По плитам дрожь лихая, по цеху пересвисит. Счастливо замирая, я правлю первый лист.
Рассвет идёт В разгаре трудов фронта Думпкарами раздробленной руды. Чтоб домны В беспростоечном разгоне, Проектные намётки перегнав, Стране давали Встречным эшелонам Проверенные тонны чугуна. Борьба идёт Неудержимо, круто За каждый шаг, За каждый час и день, За качество Истраченной минуты, За качество Металла и людей. И все товарищи По слаженной работе По-новому взяли Историю создать. На всех ответственных Больших постах завода Стоят водителями Лучшего труда. Цеха вырастают упрямей, стройней		Мы оба историей стали, хотя и не равен наш век: ты – мир из бетона и стали, я – мастер твой, но человек.	Там на верхотуре эстакады крановщицы сдвинули мосты, грозовые к ним летят разряды гроздами с небесной высоты.	Они укрощённое пламя привыкли держать под рукой. У них самоцветные камни порой отнимают покой.	Дверевой Он кокс печёт, глотая горький дым, его пирог не по зубам сластёне. И жёлтый месяц кружится над ним в оплавленном и треснутом плафоне.
Героикой песен, героикой дней, Шеренги героев рождая в стране, Путём большевистских разведок. И это ложится в газетной строке, Хорошою песней родится в строке, Великою славой грохочет в строке, Историей верной победы, Которая, вся Рассказавшись в заметке, Газетным листом Отправляясь в поход, Организаторам пятилетки Себя умножает В процентах работ.		Здесь всяк по душевному праву к железному долгу привык... И вечного пламени плавок нельзя погасить ни на миг.	Заводские женщины мои, Катерины, Зои и Алёнушки! Под высоким парусом любви, будто в море белые судёнышки.	И чем минерал ни упорней, ценней, не лежит на виду, – тем радостней и чудотворней творят мастера красоту.	Так хлеб высокий выпекает мать, колдуя у широкой русской печи. И светом лампы не спеша обняты, ей вечер припорошивает плечи.
	✍ Римма Дышаленкова			✍ Александр Павлов	Седой и прокалённый коксохим, преддверье городского непокая... От камня, от железа, от сохи, из рук отца ты вышел надо мною.
	Вступление Судьбы неясное начало сравнимо с обжигом в печах. Я жизнь в Магнитке начинала на сортировке кирпича. Как пирога из печи ждали горячий пористый кирпич, на нём за смену прожигали мы по две пары рукавиц. Кирпич – в ладонь, кирпич – в вагоны, кирпич – в недобрый разговор, кирпич – копеечка за тонну – я вспоминаю до сих пор.		Чёрный вихрь над парусом пройдёт, синяя волна над ним расколетя, море жизни дерзкий парус рвёт, мачта гнётся, гнётся, да не ломится.	Глядень-гора В моём краю магнитные ветра и тишина нестойкая, скупая... У каждого своя Глядень-гора, и у меня... Которую скопали. Магнит-гора... За поволокой дней твой гордый крик всё тише и тревожней, но почему-то зорче и видней у твоего глубокого подножья. Твоё большое сердце растеклось по всей стране, от севера до юга, укрыв её, продутую насквозь, стальной непробиваемой кольчужой. У каждого своя Глядень-гора, трибуна жизни, вещая вершина, откуда животворные ветра, взлетев под солнце, падают в долины.	Над этою землёю зоревой годами и дымами припорошен... И вот стоит последний дверевой, осыпанный и будущим, и прошлым.
			Предсказать судьбу я не берусь: далеко ли плыть до счастья, близко ли? Знаю: в трюмах – драгоценный груз красоты, терпения да истины.	Магнит-гора... Отвёрнутым пластом ты падаешь в долину безымянно... Но за тобою прячется восток, и на ступенях дремлют ураганы.	У подножья Магнитной горы, на окраине, дымом повитой, жил и рос я – не знал до поры удивительной силы магнита.
			Нет сильнее женской красоты, нет надёжней женского терпения, тем страшней в пучине суеты женских судеб кораблекрушение...	А сегодня душа по весне на долину взглянуть захотела, где дымит сквозь протаявший снег заводское горячее тело.	Где притихший окраинный дом полон жизни спокойной и новой, где с хребта кувается гром, рассыпаясь в степи васильковой.
					Как бы жил я от дома вдали, если б всё это было забыто, если б сердцем не чуял земли – удивительной силы магнита?